Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (25), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 821
ББК 83.3
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-103-114
https://elibrary.ru/SOUIRI

© 2024. Ирина Львова
Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

Книги Достоевского в произведениях американской литературы XX века (Н. Уэст, Д. Ирвинг, Ф. Рот)

© 2024. Irina V. Lvova
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Dostoevsky's Books in 20th-Century American Literature (Nathanael West, John Irving, Philip Roth)

Информация об авторе: Ирина Вильевна Львова, доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии и скандинавистики, Петрозаводский государственный университет, ул. Ленина, д. 33, 18500 г. Петрозаводск, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-3193-1222
E-mail: ilvovaster@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается, как присутствие книг Достоевского в сюжете литературного произведения выявляет характер рецепции Достоевского, определяет специфику художественного мира произведения, трансформацию устойчивых мотивов, образов в современной американской литературе на примере произведений Н. Уэста, Д. Ирвинга и Ф. Рота. Доказывается, что использование чтения книги Достоевского как устойчивого мотива привносит в произведение обязательный элемент литературной полемики как героя, так и автора. Главный прием, используемый писателями — пародирование тем, образов произведений Достоевского является основным способом переосмысления сложившейся традиции восприятия творчества русского писателя.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, рецепция, Н. Уэст, Д. Ирвинг, Ф. Рот, мотив, книга.

Для цитирования: *Львова И.В.* Книги Достоевского в произведениях американской литературы XX века (Н. Уэст, Д. Ирвинг, Ф. Рот) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 103–114. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-103-114

Information about the author: Irina V. Lvova, DSc in Philology, Professor, Department of Germanic philology and Scandinavian studies, Petrozavodsk State University, Lenin 33, 18500 Petrozavodsk, Russia.
https://orcid.org/0000-0003-3193-1222
E-mail: ilvovaster@gmail.com

Abstract: The article examines the presence of Dostoevsky's books in the plot of the novels by Nathanael West, John Irving, and Philip Roth, in order to show how Dostoevsky was perceived by American writers and determined the specifics of the poetics and the transformation of constant motifs and images in modern American literature. It is proved that the use of Dostoevsky's books as a stable motif introduces into these works an obligatory element of literary polemics for both the hero and the author. The main technique used by writers (parodying themes and images of Dostoevsky's works) becomes the main way to rethink the existing tradition of perceiving the work of the Russian novelist.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, reception, Nathanael West, John Irving, Philip Roth, motive, book.

For citation: Lvova, I.V. "Dostoevsky's Books in 20th-Century American Literature (Nathanael West, John Irving, Philip Roth)." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (25), 2024, pp. 103–114. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-103-114

Творчество Достоевского оказало огромное влияние на развитие американской литературы в ХХ веке. Однако интерес к Достоевскому на протяжении всего американского знакомства с ним был разным по характеру и интенсивности. В период так называемого «культа Достоевского» (1910–1920-е годы) Достоевский был прочитан как проповедник религии страдания, пророк, мистик, психолог, исследователь больного сознания. В это время американская рецепция определялась европейским влиянием. Первый период достаточно хорошо изучен отечественным и зарубежным сравнительным литературоведением. [Muchnic, 1939], [Сохряков, 1982], [Николюкин, 1987]. Вторая волна интереса возникает 1940–1960-е годы, она была наиболее интенсивной и по вовлеченности в чтение и изучение Достоевского и по глубине постижения его творчества. В 1940-е–1960-е годы происходит пересмотр сложившихся представлений о писателе и формируется собственно американская рецепция Достоевского.

Влияние Достоевского на американскую литературу этого периода является предметом активных исследований [Мотылева, 1961], [Анастасьев,1991], [Львова, 2008], использование прямых цитат из произведений писателя, аллюзий, мотивов, образов Достоевского

становится типичным приемом в произведениях американских писателей XX века. А чтение книг Достоевского героями произведений становится часто используемым элементом сюжета.

В данной статье предпринята попытка проанализировать, как присутствие книг Достоевского в сюжете литературного произведения выявляет характер рецепции Достоевского, определяет специфику художественного мира произведения, трансформацию устойчивых мотивов, образов в современной американской литературе.

Материалом для анализа стали произведения американских писателей XX века, где присутствует книга Достоевского как образ и элемент сюжета: Н. Уэста «Подруга скорбящих» (1933), Д. Ирвинга «Мир по Гарпу» (1978), Ф. Рота «Голос его любовницы» (1986). Важно отметить, что герои этих романов — литераторы, писатели, для которых обращение к книгам Достоевского является важнейшим способом самораскрытия и саморефлексии. Для автора включение книг Достоевского в литературный сюжет дает возможность для литературной полемики с литературной традицией. Повествование зачастую становится авторским комментарием к книге Достоевского. Использование книги Достоевского как смыслообразующей детали является и ключом к пониманию проблематики произведения.

Н. Уэст (1903–1940) — выдающийся писатель-сатирик, чье творчество относят к американской литературе «черного юмора». Его произведение «Подруга скорбящих» — наиболее значительное и известное произведение автора. В нем он создал портрет современного христианского проповедника, журналиста, ведущего в газете колонку, в которой дает утешительные советы читателям, ищущим к него защиты и облегчения страданий.

Книга «Братья Карамазовы» упоминается в первой главе «Подруга скорбящих и ягненок», в эпизоде, описывающем комнату героя. Рядом с распятием лежит том «Братьев Карамазовых» с закладкой «на главе о старце Зосиме: “<...> любите человека и во грехе его, ибо сие уже подобие Божеской любви и есть верх любви на земле. Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день. И полюбишь наконец весь мир уже все целою, всемирною любовью”». Приведенная цитата из книги становится поводом для иронического комментария

героя: «Прекрасный совет. Если бы он последовал ему, то преуспел бы в жизни. Его колонку распространили бы агентства печати, и мир научился бы любить. Наступило бы Царствие Небесное. Он сел бы одесную Агнца». [Уэст, 2001, с .68]. Мысль о невозможности воплощения христианского идеала в современном мире определяет основную тему произведения. Описание распятия Христа, который «висел спокойно и декоративно», создает смысловой и эмоциональный ряд, который будет далее разрабатываться в произведении. Декоративность, внешнее следование догме при отсутствии веры — причина страданий героя, которую он осознает: «Если бы он верил в Христа, тогда прелюбодеяние было бы грехом, все стало бы просто, а ответить на письма — легче легкого». [Уэст, 2001, с. 86]. В произведении Уэста последовательно проводится антитеза «бизнес от Христа» (Christ business) и «мечта о Христе» (Christ dream), именно эти два полюса определяют внутренний конфликт героя, занимающегося «христианским бизнесом», но тоскующего по истинной любви и вере. «Христианство Достоевского» есть именно выражение «мечты о Христе» главного героя. В этой связи важно замечание, сделанное Уэстом, проясняющее особенности его восприятия Достоевского: «Если нам суждено выжить, следующее столетие должно принадлежать христианству Достоевского (Dostoevsky's Christianity)»[1] [Light, 1958, p. 213].

Двойственность героя, который, как и подпольный Достоевского, тоскует по идеалу, но сознает свою неспособность следовать ему, определяет его поступки. «У меня комплекс Христа», — говорит он невесте Бетти — «я возлюбил человечество. Каждого сломленного кретина» [Уэст, 2001, с. 72]. Его размышления о невозможности любви к ближнему перекликаются с подобными рассуждениями героев Достоевского. Версилов говорит: «Тут какая-то ошибка в словах с самого начала, и "любовь к человечеству" надо понимать лишь к тому человечеству, которое ты же сам и создал в душе своей <...>» и предлагает Аркадию компромисс: «Любить своего ближнего и не презирать его — невозможно»; «<...> делай им добро, скрепя свои чувства <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 13. с. 174].

Далее сюжет развивается как авторский комментарий к приведенной цитате из книги Достоевского. Автор приводит своего героя к гибели, сатирически изображая его попытки приблизиться к «хри-

[1] Здесь и далее перевод англоязычных цитат мой. — *И.Л.*

стианскому идеалу любви». Герой Уэста — это гротескный персонаж, действующий в гротескной ситуации. Функция гротеска в повести — сатирически заострить нравственные и социальные проблемы, но гротеск Уэста также выявляет трагическое мироощущение писателя, размышляющего о возможности воплощения христианского идеала любви. Таким образом, упоминание о книге Достоевского в произведении является приемом, необходимым, чтобы раскрыть источник внутреннего конфликта героя, проблематику произведения, а также возможность художественного комментария к тексту Достоевского.

Джон Ирвинг (1942) — американский романист, новеллист, сценарист. Роман «Мир по Гарпу» (1976) — самое известное произведение писателя, ставшее культовой книгой десятилетия, сравнимой с «Над пропастью во ржи» Д. Сэлинджера. Это роман воспитания и роман-биография писателя Т.С. Гарпа, тема становления художника — ведущая в романе. Тем самым в романе заявлены две точки зрения на творчество Достоевского: героя и самого автора. Рассказывая историю формирования Гарпа, Ирвинг упоминает Достоевского как пример писателя — мастера для своего героя.

Главная книга Достоевского, являющаяся в романе и важной деталью, и элементом сюжета, — «Вечный муж». Книга становится и поводом для переосмысления некоторых мотивов и образов произведений Достоевского.

Обращение к теме «вечного мужа» объясняется важностью проблем семьи и брака в романе. Девятая глава так и называется «Вечный муж», по замыслу она должна была открывать книгу. В окончательном варианте тема вечного мужа звучит в самый драматичный момент жизни Гарпа — когда его семейная жизнь оказывается под угрозой разрушения, а измена жены, его ревность приводит к трагическому финалу — гибели сына.

Сама тема вводится в роман с помощью эпизода, который имеет символический смысл. Гарп знакомится с миссис Ральф, матерью друга своего сына, которая при встрече швыряет в него книгу Достоевского.

«Вы ведь писатель?» — обвиняющим тоном сказала миссис Ральф, помахала книгой «Вечный муж» перед Гарпом и спросила: «Что вы думаете об этом?». [Irving, 1976, с. 257]. «Это прекрасная история» — сказал Гарп. К счастью, он помнил эту книгу: искусно усложненная (neatly complicated), полная описаний извращений и противоречий в человеческой природе. «Я считаю, что это отвра-

тительная (sick) история. Мне бы хотелось знать, что особенного в этом Достоевском». «Ну, сказал, — Гарп, — его герои сложны эмоционально и психологически». «Его женщины даже меньше, чем просто объекты», — сказала миссис Ральф. — «Они бесформенны (don't have shape). Это просто идеи, которые мужчины обсуждают и с которыми играют», — она вышвырнула книгу из окна, та угодила в Гарпа и отлетела на поребрик». [Irving, 1976, c. 257–258].

Далее обсуждение продолжается уже с женой Гарпа Хелен, которая, увидев книгу «Вечный муж», заметила:

«Странная книга, которую могла бы женщина дать мужу другой женщины». «Она не дала мне ее, а бросила ее в меня. <...> Она сказала, Достоевский несправедлив к женщинам». Хелен выглядела озадаченной «Я бы не сказала, что история об этом». «Конечно нет, — вскричал Гарп. — Эта женщина — идиотка. Она понравилась бы моей матери» [Irving, 1976, c. 261].

Книга Достоевского в данном случае — также повод для начала литературной полемики героев, а для автора — возможность собственного комментария, которое выражается в пародировании известных тем, мотивов Достоевского.

Отсылка к «Вечному мужу» Достоевского вводит в роман мотивы измены, ревности и дает новый контекст, в котором положение героя рассматривается через призму повести Достоевского.

Многого из того, что составляет феномен «вечного мужа» (подпольность, самоуничижение, болезненная амбициозность, социальная неполноценность, которая порождает тип жертвы, хищника и буффона, желание самоопределения, мести, сложность мотивировок поведения), нет к Ирвинга. Главный мотив — мести — снят в романе, а следовательно, сюжетные коллизии, связанные со сложной местью Трусоцкого и его самоопределением, в романе Ирвинга отсутствует. Да и социальная роль Гарпа не может быть сведена к одной функции — мужа. Ирвинг, на наш взгляд, изменяет контекст, в котором существует его герой, тем самым трансформирует и тип «вечного мужа». Это контекст — феминистский (мать Гарпа — известная феминистка), который представлен как комический. В образе «вечного мужа» Ирвинга актуализируются прежде всего его комические черты. Ситуация, в которую попадает герой, ситуация абсурда, обращение к Достоевскому призвано усилить этот абсурд, в романе Ирвинга вечный муж — это абсурдный герой в абсурдном мире.

Как и Достоевский, рассказывая историю доверчивого мужа, Ирвинг перемежает откровенно буффонные сцены с драматическими. Комизм положений, в которые попадает герой, сменяется трагической развязкой. Гибель ребенка (мотив, типологически связанный с Достоевским) лишь подчеркивает трагизм абсурдного мира и героя, подтверждая главную идею книги: «В мире по Гарпу мы все безнадежны» (terminal cases). [Irving, 1976, с. 609]

Таким образом, книга Достоевского в романе является важным элементом сюжета и необходимым маркером того, что сюжет Достоевского намеренно переосмысливается автором, служит для развития его собственного сюжета. Пародирование мотивов Достоевского — это продолжение диалога с писателем, переработка образов и мотивов его произведения.

Ф. Рот (1933–2018) — один из крупнейших американских писателей второй половины XX века. Особенностью поэтики творчества Рота является и то, что он широко использует комические приемы, прежде всего пародию. Исследователями отмечено пародирование мотивов современной литературы [Baumgarten, 1990], [Halio, 1992], «карнавализации ортодоксальной эмигрантской еврейской культуры» [Ramasamy, 1999, p. 10]. В произведениях Рота, однако можно говорить о карнавализации литературной традиции, в том числе и творчества Ф.М. Достоевского.

Рассказ «Голос его любовницы», опубликован в 1986 году в журнале «Партизан Ревью» Рассказ представляет собой женский монолог. По своей структуре он приближается к потоку сознания, для него характерна фрагментарность, повышенная ассоциативность, упрощенный синтаксис, обрыв причинно-следственных связей, а тип героини, «вульгарной ограниченной женщины», может быть соотнесен с героиней одного из самых известных произведений раннего творчества Рота «Случай Портного» Мартышкой. Первоначальное название произведения Ф. Рота — «Мой женский портрет». Таким образом, голос повествователя и автора сближаются в произведении и порой трудно различимы. Поэтому героиня — тоже своего рода писательница, вступающая в литературную полемику со своим любовником-интеллектуалом Д.А. Это дает возможность остранения, в том числе для того, чтобы вести разговор о Достоевском.

Реминисценции из Достоевского появляются во второй части рассказа, когда героиня, желая удержать своего любовника, обра-

щается к чтению. Первый роман, который она прочитывает полностью — «Преступление и наказание».

Книга Достоевского в этом произведении прямо не присутствует, однако мы узнаем, что героиня читает Достоевского на кладбище. Этот новый комический контекст, в котором происходит знакомство с Достоевским, определяет и ее восприятие героиней. Она актуализирует те смыслы, которые помогают ей решить собственные психологические проблемы. Таким образом, рассказ героини о книге Достоевского («Преступление и наказание») — это прием для психологической характеристики героини.

Целый абзац посвящен впечатлениям о романе писателя:

«На кладбище я закончила “Преступление и наказание”. Великолепная, полная неистовства книга. Я начала “Братьев Карамазовых”, надеясь найти там еще больше ярости. Ярость, должно быть, труднее всего описать. И так же трудно ее сохранить. И так же трудно взглянуть ей в лицо. Все кругом испытывают невероятный гнев и ярость. Но все что они делают — подличают и гадят ближним. Гадят друзьям, детям, любимым. Но извлечь ее и перемолоть, чтобы превратить в “Преступление и наказание” — браво. Независимо от описания. Я знаю, что делает писателей великими. Они знают все о грязной изощренности человека. Чувствительность просто выплескивается из них <…>. Они значительные, властные, неотступные, не допускающие возражений, самоуверенные, настойчивые, какими, как считается, должны быть отцы. Чтение Достоевского было для меня лекарством. Его власть надо мной была необычайной. Фантазии Достоевского — это мои фантазии. Он охватывает все, что я узнала с молоком матери <…>. Через книгу сумасшедшего я узнала ужасную правду. Насилие и унижение, унижение и насилие, и ненависть, за которую цепляешься, чтобы выжить. Приходится. Чтобы что-то оставить, нужно сначала возненавидеть» [Roth, 1986, p. 170].

Хотя высказывание принадлежит героине, оценка Достоевского близка той, которую давал Рот в интервью, когда отмечал, что открытия Достоевского ценны для изучения человеческой психологии, «человеческой ненависти и ярости». [Roth, 1992, p. 173].

Кроме того, в этом суждении нашли отражения и распространенные представления о Достоевском как о безумце, чье творчество посвящено исследованию больной психики. Наложение двух голосов и двух представлений о писателе (серьёзного и тривиаль-

ного, несерьезного) создают новую перспективу для его рецепции: Достоевский в данном случае — и писатель, и персонаж, включенный в комическую игру.

Обращение к Достоевскому меняет характер повествования и тональность. Героиня находит для себя не только способ высказывания, но и традицию, которая помогает рассказать о своем психологическом состоянии. С этого момента она начинает сопоставлять и идентифицировать себя с героями «Преступления и наказания» Достоевского, прежде всего с Раскольниковым. Сюжет романа вплетается в повествовательную ткань рассказа. Так начинает звучать мотив преступления и наказания, причем героиня соотносит книгу с собственным опытом, когда рассказывает историю одного из знакомых Д.А., зарезавшего свою подружку: «Мне одиноко без моего Раскольникова. Ужасно жить в постоянном надрыве. Все кажется преувеличенным. Я думаю, что Достоевский влюбился в него. Я бы закончила книгу не так. Не могу представить, как за двойное убийство старухи и швеи интеллектуалом из самой элиты его не пристукнули какой-нибудь дубиной. <...> Я бы сделала получше. Легкий приговор — это сказочки. Я бы прикончила мистера Раскольникова сразу же. Хотя ярость и гнев на людей, которые не причинили ему настоящего вреда, довольно человечны. Ненависть и отвращение — вот с чем остается человек наедине. Я понимаю эту книгу: умный бездельник, бесконечно страдающий. Такая ярость может быть положена на музыку <...>. Люди не стареют, они наполняются яростью <...>. Меланхолия, рабство и ярость. Обеды, путешествия, эскапады, кутежи и ярость» [Roth, 1986, p. 171].

Таким образом преступление Раскольникова интерпретируется героиней неоднозначно: оно проецируется на собственную ситуацию. Героиня подчеркивает бесчеловечность убийцы, который должен понести наказание, причем холодный интеллектуализм Раскольникова ассоциируется с Д.А., она сострадает его жертвам, пока не приходит к мысли, что преступник — тоже жертва. Тогда она идентифицирует себя с Раскольниковым. С героем Достоевского ее роднит одержимость: «Послушай, моя глупость — это не самая страшная проблема. Более страшная — это одержимость (high spirits). <...>. Она создает больший хаос, чем депрессия. Просто убивает тебя. Я человек, чьи чувства трудно остановить на полпути. Вот такая история» [Roth, 1986, p. 175]. Да и ее откровенные признания в нравственном релятивизме и даже аморализме: «У меня нет мора-

ли. Моя мораль разрешает мне все» [Roth, 1986, p. 163], — сближают ее с героем Достоевского.

Теперь рассказ об эпизодах собственной жизни она сопровождает комментарием: «Это то, что описывает Достоевский», т.е. это ситуация из Достоевского, как бы ее увидел писатель.

Сохраняя комический характер повествования, Рот использует и самопародии: тогда комментарии теряют причинно-следственную связь и обнаруживают свою алогичность: «Ничто не может убить Д.А. Яд лишь приободрил бы его. Он не мог бы утонуть <...> а я боюсь, что грузовик собьет меня, когда моюсь в ванной. Если еще нет великой книги на эту тему, она должна быть написана. Достоевским» [Roth, 1986, p. 173]. Тем самым выявляется абсурдность и самого положения героини и ее комментариев.

Возникает новый образ повествователя, буффона. Буффонада как литературный прием дает ему свободу высказывания. Подчеркнутый «антиинтеллектуализм» героини — всего лишь маска, которую автор и не скрывает. Далее противостояние «невежественной» героини и любовника-интеллектуала превращается в литературную полемику. В центре ее — вопрос о правде в искусстве. Если Д.А. в начале рассказа утверждает, что «художник сохраняет человеческие фантазии, а эти фантазии определяют все» [Roth, 1986, p. 169], то повествователь говорит о приоритете правды в искусстве, которая заключается в том, что художник создает образ человека так, как он существует в действительности.

Но и это суждение облечено в комическую форму, обнаруживая свою неокончательность, неопределенность: «Не могу сказать, что схожу с ума по Томасу Гарди, конечно, он не в той лиге, что Достоевский. У Достоевского всегда чувствуешь, что он всегда точен, что он видел все это. <...> Но в последней части Джуда есть правда. Правда — это то для чего пишутся романы, я думаю так» [Roth, 1986, p. 175].

Включение аллюзий, реминисценций из «Преступления и наказания» Достоевского составляет художественную ткань рассказа, организует сюжет, создает образ героя, и определяет как способ его высказывания, так и круг обсуждаемых проблем.

Во всех трех случаях книга Достоевского является узнаваемым знаком, его использование предполагает знакомство читателя с текстом и литературным контекстом. Задача писателя — вписать его в новый культурный контекст, наполнить новым смыслом. При-

сутствие книги привносит в произведение обязательный элемент литературной полемики как героя, так и автора. Главный прием, используемый писателями — пародирование тем, образов произведений Достоевского — является основным способом переосмысления сложившейся традиции восприятия творчества русского писателя.

Список литературы

1. Анастасьев, 1991 — *Анастасьев Н.А.* Владелец Йокнапатофы (Уильям Фолкнер). М.: Книга, 1991. 416 с.
2. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. Львова, 2008 — *Львова И.В.* Ф.М. Достоевский и американский роман 1940–1960-х годов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 312 с.
4. Мотылева, 1961 — *Мотылева Т.Л.* Достоевский и мировая литература. // *Мотылева Т.* Иностранная литература и современность. М.: Сов. писатель, 1961. 368 с.
5. Николюкин, 1987 — *Николюкин А.Н.* Взаимосвязи литератур России и США. Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка. М.: Наука, 1987. 406 с.
6. Сохряков, 1982 — *Сохряков Ю.И.* Русская классика в литературном процессе США первой трети XX века: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1982. 368 с.
7. Уэст, 2001 — *Уэст Н.* День саранчи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 336 с.
8. Baumgarten — *Baumgarten M.* Understanding Philip Roth. Columbia: University of South Carolina Press, 1990. 276 p.
9. Halio, 1992 — *Halio J.* Philip Roth Revisited. N.Y.: Twayne Publishers, 1992. 232 p.
10. Irving, 1976 — *Irving J.* The World According to Garp. N.Y.: Pocket Books. 1976. 609 p.
11. Light, 1958 — *Light J.* Violence, Dreams, and Dostoevsky: The Art of Nathaniel West // College English. 1958. Vol. 19, no. 5. Pp. 208–215.
12. Muchnic, 1939 — *Muchnic H.* Dostoevsky’s English Reputation (1881–1936). Northampton: Smith College, 1939. 210 p.
13. Ramasamy, 1999 — *Ramasamy P.* The Fiction of Philip Roth. A Bakhtinian Study. Pondicherry: Busy Bee Books, 1999. 177 p.
14. Roth, 1992 — *Roth Ph.* Conversations with Philip Roth. Mississippi: Univ. Press of Mississippi, 1992. 291 p.
15. Roth, 1986 — *Roth Ph.* His Mistress’s Voice // Partisan Review. 1986. 27 February. pp. 155–176.

References

1. Anastas’ev, N.A. *Vladelets Ioknapatofy (Uil’jam Folkner)* [*The Owner of Yoknapatawpha (William Faulkner)*]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 416 p. (In Russ.)
2. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

3. L'vova, I.V. *F.M. Dostoevskii i amerikanskii roman 1940–1960-h godov* [*Fyodor Dostoevsky and the American Novel in 1940s–1960s*]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU Publ., 2008. 312 p. (In Russ.)

4. Motyleva, T.L. "Dostoevskii i mirovaia literatura" ["Dostoevsky and World Culture"]. Motyleva, T. *Inostrannaia literatura i sovremennost'* [*Foreign Literature and Contemporary Age*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1961. 368 p. (In Russ.)

5. Nikoliukin, A.N. *Vzaimosviazi literatur Rossii i SShA. Turgenev, Tolstoi, Dostoevskii i Amerika* [*Connections Between Russian and American Literature. Turgenev, Tolstoy, Dostoevsky, and America*]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 406 p. (In Russ.)

6. Sokhriakov, Iu.I. *Russkaia klassika v literaturnom processe SShA pervoi treti XX veka* [*Russian Classics in the US Literary Process of the First Third of the 20th Century: PhD Dissertation*]. Moscow, 1982. 110 p. (In Russ.)

7. West, Nathanael. *Den' saranchi* [*The Day of the Locust*]. St. Petersburg, Izd. Ivana Limbakha Publ., 2001. 336 p. (In Russ.)

8. Baumgarten, Murray. *Understanding Philip Roth.* Columbia, University of South Carolina Press, 1990. 276 p. (In English)

9. Halio, Jay L. *Philip Roth Revisited.* New York, Twayne Publishers, 1992. 232 p. (In English)

10. Irving, John. *The World According to Garp.* New York, Pocket Books, 1976. 609 p. (In English)

11. Light, James F. "Violence, Dreams, and Dostoevsky: The Art of Nathaniel West." *College English*, vol. 19, no. 5, Feb. 1958, pp. 208–215. (In English)

12. Muchnic, Helen. *Dostoevsky's English Reputation (1881–1936)*. Northampton, Smith College, 1939. 210 p. (In English)

13. Ramasamy, Purushothaman. *The Fiction of Philip Roth. A Bakhtinian Study*. Pondicherry, Busy Bee Books, 1999. 177 p. (In English)

14. Roth, Philip. *Conversations with Philip Roth.* Mississippi, Univ. Press of Mississippi, 1992. 291 p. (In English)

15. Roth, Philip. "His Mistress's Voice." *Partisan Review*, 27 Feb. 1986, pp. 155–176. (In English)

Статья поступила в редакцию: 11.12.2023
Одобрена после рецензирования: 12.12.2023
Принята к публикации: 10.02.2024
Дата публикации: 25.03.2024

The article was submitted: 11 Dec. 2023
Approved after reviewing: 12 Dec. 2023
Accepted for publication: 10 Feb. 2024
Date of publication: 25 Mar. 2024